

А.Ю. ВАТЛИН

ГЕРМАНИЯ В 2000–2010 годах

Завершение первого десятилетия XXI в. сопровождалось в Германии чередой юбилеев, которые вызвали в стране широкую волну “исторической рефлексии”. 60-летие ФРГ (конституция ФРГ вступила в силу 23 мая 1949 г.) почти совпало с 20-летием падения берлинской стены (9 ноября 1989 г. была открыта госграница ГДР с Западным Берлином). В 2010 г. центральным событием общественно-политической жизни ФРГ стал еще один юбилей – 20-летие объединения Германии, произошедшего 3 октября 1990 г.

Современная история Германии совпала с периодом “срастания” старой ФРГ и бывшей ГДР; эти процессы стали предметом пристального внимания как творцов и непосредственных участников событий¹, так и историков².

Историки предпочитают рассматривать произошедшее в более широком контексте. В последние 10 лет появились монографии и документальные издания, посвященные развитию Германии в XX в.³

Но время не стоит на месте, и исследователям приходится обращаться к самым свежим сюжетам немецкой истории, не дожидаясь, пока их выпустят из своих рук политологи и журналисты. “Критическая масса” политических событий и общественных явлений, накопившаяся в самой крупной стране зарубежной Европы за последнее десятилетие, нуждается в ее научно-практическом осмыслении. Первые шаги на этом пути уже сделаны российскими историками, международниками и политологами⁴.

В данной обобщающей статье анализируются ключевые тенденции общественно-политического развития ФРГ первого десятилетия XXI в.

* * *

На рубеже XXI в. в Германии произошло событие, ставшее символом начала нового этапа в развитии страны: Боннская республика превратилась в Берлинскую. В апреле 1999 г. состоялась официальная церемония переезда государственных учреждений ФРГ в новую столицу. Прощание с Бонном прошло почти незамеченным – последнее заседание бундестага в недавно построенном парламентском комплексе на берегу Рейна состоялось 2 июля 1999 г. Хотя в Бонне продолжает свою работу ряд федеральных

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ.

¹ Горбачев М.С. Как это было: объединение Германии. М., 1999; Модров Х. Я хотел жить в новой Германии. М., 2000; Кренц Э. Осень 1989 года. М., 2009.

² Максимычев И.Ф. Крушение. Реквием по ГДР. М., 1993; Павлов Н.В. Германия на пути в третье тысячелетие. М., 2001; Петелин Б.В. ХДС-ХСС и объединение Германии. Вологда, 2002; Ахтамзян А.А. Объединение Германии: обстоятельства и последствия. М., 2008.

³ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002 (второе издание: М., 2005); Патрушев А.И. Германия в XX веке. М., 2004; История Германии XX века в новом измерении: источники, статистика, художественные документы. М., 2008; Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. М., 2010.

⁴ Павлов Н.В. Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире. М., 2005; Власов Н.А. Германия в начале XXI века. Санкт-Петербург, 2008; Германия. Вызовы XXI века. М., 2009; Сумлённый С. Немецкая система: из чего сделана Германия и как она работает. М., 2010.

министерств Германии, значение “запасной столицы” на Рейне неуклонно падает. Зато семимильными шагами развивается Берлин, вернувший себе звание одного из крупнейших центров Европы. Западные немцы, привыкшие к послевоенной децентрализации и уюту провинциального Бонна, выражают свои опасения по поводу того, что новая столица Берлин станет не только центром притяжения науки и культуры, но и бюрократическим монстром.

Осенью 1999 г. парламент ФРГ возобновил свою работу в историческом здании рейхстага на берегу Шпрее. После основательной реставрации здание получило купол новой формы взамен прежнего, на который было водружено знамя Победы над гитлеровским режимом. Тотальное поражение весны 1945 г. и на сегодняшний день остается главной точкой отсчета новейшей германской истории. В 1989–1990 гг. к ней добавилась еще одна – преодоление раскола немецкой нации, окончательное разрешение “германского вопроса”, который являлся одной из болевых точек “холодной войны”.

Объединенной Германии удалось преодолеть серьезные трудности, связанные с модернизацией экономики бывшей ГДР и занять одно из ведущих мест в современном мировом хозяйстве. Современная Германия – крупнейшее национальное государство объединенной Европы. В разных уголках мира, применительно ко многим сферам общественной жизни о Германии говорят как об “удавшейся демократии” и образце для подражания.

Немцы гордятся этим и в то же время не забывают об особой исторической ответственности своей страны. Дважды на протяжении XX в. Германия развязывала мировые войны, а человеконенавистническая идеология нацизма стала самым страшным проявлением “века катастроф”. Отказ немецкой нации от поиска “зондервега” – особого пути, противостоявшего ценностям либеральной демократии, был непростым и долгим и на Востоке, и на Западе страны. Похоже, что немцы оказались способны извлекать уроки из прошлого. В отличие от объединения Германии Бисмарком, второе объединение страны свершилось не “железом и кровью”, а произошло в мире и согласии со всеми ее соседями. Падение берлинской стены в ноябре 1989 г. стало материальным воплощением исчезновения “железного занавеса”, разделившего европейский континент в эпоху глобальной конфронтации.

В общественном сознании современных немцев доминирует консенсус, оно возвращается к признанию позитивной роли национальных ценностей, получающих ныне современную европейскую интерпретацию. Речь идет, прежде всего, о положительной оценке “срастания” немецкой нации и об интеграции в общественно-политическую систему Западной Германии бывшей ГДР. Хотя этот процесс еще не закончен, самый сложный отрезок пути уже преодолен. За первые 10 лет после объединения на трансформацию “новых федеральных земель” была потрачена фантастическая сумма – 1,8 триллиона марок ФРГ. Только ныне становится очевидным весь масштаб произошедших изменений: воссоединение привело не только к исчезновению ГДР с политической карты Европы, но и в значительной степени изменило саму ФРГ, ее экономический потенциал, политическую систему, общественные нравы. Не будет преувеличением сказать, что ГДР практически растворилась в западном мире, что объединенная Германия в значительной мере сдвинулась на Восток – и не только в географическом смысле.

Возвращение ФРГ к роли “глобального игрока” на мировой арене, начатое в 90-е годы XX в., было продолжено и в первом десятилетии XXI в. Участие ФРГ в миротворческих акциях на разных континентах, пятитысячный корпус бундесвера в Афганистане, германские инициативы по борьбе с глобальным потеплением на планете – лишь наиболее яркие проявления этого процесса. Германия является важным посредником при разрешении многих проблем, разделяющих Восток и Запад Европы. Активно выступая в разных сферах международной жизни, правящая элита ФРГ постоянно подчеркивает особый характер германо-российских отношений. Наши страны связывает не только экономическая взаимозависимость и близость подходов к устранению глобальных угроз современности, но и осознание общности исторического пути, не исключая и самые трагические страницы истории XX в.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ФРГ⁵

Валовой внутренний продукт ФРГ (ВВП) в 2008 г. составил 2,5 триллиона евро, выведя страну на четвертую позицию в мировом рейтинге. Германия в полной мере отвечает критериям постиндустриальной экономики – две трети ВВП создается в сфере услуг (включая и финансовый сектор). Если в 2002–2003 гг. наблюдался спад экономического роста, то затем его сменил неуклонный подъем вплоть до начала кризиса (в 2004 г. – 1,2%, 2006 – 2,9%, 2007 г. – 2,5%). Осенью 2006 г., когда ФРГ вырвалась на третье место в мире по объемам ВВП, рыночные аналитики заговорили даже о “новом германском экономическом чуде”.

Специфической чертой германской экономики на протяжении последних десятилетий остается ее ориентация на экспорт, доля которого в 2008 г. составила более трети ВВП. ФРГ является мировым лидером как по объему экспорта, так и по его насыщенности товарами высоких технологий. Ее предприниматели занимают лидирующие позиции на рынке точных станков и полиграфических машин, быстро растут поставки оборудования для производства возобновляемой энергии (солнечные батареи, ветряные генераторы)⁶. Символом надежности, красоты и прогресса остаются автомобили немецких производителей.

Вопреки пессимистическим прогнозам о закате традиционных сфер производства и наступлении эпохи “деиндустриализации”, германская экономика демонстрировала максимальные темпы роста как раз в сфере машиностроения – за 2007 г. объем произведенной продукции в нем вырос на 10%. По сравнению с США и Японией, в ФРГ гораздо больше удельный вес малого и среднего бизнеса. На сегодняшний день в Германии зарегистрированы 3,5 млн. предприятий, попадающих в эту категорию. Многие из них из поколения в поколения находятся в семейной собственности и активно лоббируют свои интересы на законодательном уровне. Напротив, среди 500 крупнейших корпораций мира – только 37 фирм из ФРГ. Участие иностранного капитала в германской экономике выросло после того, как в 1990-е годы была произведена масштабная приватизация предприятий бывшей ГДР. Тесную связь экономики и политики (в том числе внешней) продемонстрировал торг международных инвесторов вокруг автогиганта “Опель”, в котором активное участие приняло правительство ФРГ. В конце концов, американский концерн “Дженерал моторс” проигнорировал рекомендации последнего, оставив за собой столь весомый актив, и начал закрытие ряда заводов на территории Германии, не обращая внимания на протесты занятых там рабочих и служащих.

Чтобы выстоять в условиях глобальной экономической конкуренции, германское государство делает ставку на развитие передовых технологий и прикладных научных исследований. В 2008 г. на науку и новые технологии государство выделило 11 млрд. евро, что составило 2,8% ВВП. Это на треть больше, чем в целом по Евросоюзу (ЕС), хотя и уступает аналогичным показателям США. Для того, чтобы сделать взаимодействие науки и бизнеса более мобильным и оперативно реагирующим на потребности рынка, создана сеть “элитных университетов”, формируются межуниверситетские научные центры. Это обеспечивает необходимую отдачу – почти 10% ежегодного прироста знаний в мире приходится на немецкую науку.

Финансовым событием эпохального масштаба, затронувшим не только бизнес, но и каждого потребителя, стало введение в 2002 г. единой европейской валюты – евро. Расположенный во Франкфурте-на-Майне Европейский центральный банк разрабатывает стратегию монетарной политики, и мнение германских финансистов при этом имеет особое значение. Опасения, что рост курса евро по отношению к доллару, наблюдавшийся на протяжении семи лет, негативно скажется на германском экспорте, не оправдались. Зато оправдались негативные прогнозы простых граждан: переход от нацио-

⁵ По статистическим данным правительства ФРГ и ведомства политического образования ФРГ.

⁶ Геродес Г.А. Возобновляемые источники энергии в Германии. М., 2009.

нальной валюты к европейской привел к взлету цен, которые уже догнали значения, ранее выраженные в марках ФРГ.

Политиков национального масштаба в большей степени волнует проблема сохранения в своих руках рычагов управления денежной массой. Кризис добавил дополнительных аргументов “евроскептикам”. Однако ФРГ и в благополучные годы не принадлежала к числу самых дисциплинированных членов валютного союза. Так, в 2005 г. ее бюджетный дефицит превысил границу в 3%, установленную Брюсселем. Это стало одним из факторов, приведших к досрочным выборам и смене правительства, которое обвиняли в излишней расточительности. Повышение НДС с 16 до 19% и экономический подъем привели к тому, что в 2007 г. бюджет страны оказался бездефицитным, однако это так и осталось счастливым исключением.

Проблема огромного государственного долга (его размер достигает суммы в 1,5 триллиона евро) – одна из самых болезненных в сфере национальных финансов ФРГ; здесь вряд ли возможны быстрые решения. Эта тема часто становится предметом межпартийных дискуссий, ибо напрямую увязана со ставками налогов, которые приходится платить простым гражданам. Сейчас в ФРГ на обслуживание государственного долга тратится 40 млрд. евро ежегодно, что составляет одну шестую часть доходной части бюджета.

Серьезные проблемы германской экономики лежат не только в финансовой сфере. Негативное влияние на инвестиционную привлекательность страны оказывает рынок труда – среднестатистическая зарплата в ФРГ одна из самых больших в Западной Европе. Отчасти это компенсируется высокой производительностью и качеством труда – каждый пятый из работающих по найму в сфере экономики имеет высшее образование. Однако старение населения приводит к тому, что предпринимателям и государству приходится вкладывать все больше средств в профессиональное обучение молодых рабочих, закрывать глаза на приток нелегальной рабочей силы из-за рубежа.

Несмотря на некоторое падение общей численности рабочих и служащих, организованных в профсоюзы, последние сохраняют способность к борьбе за интересы трудящихся. В 2007–2008 гг. на пике экономического подъема профсоюзные объединения заявили об отказе от политики “сдержанности”, стали требовать от предпринимателей получения достойной доли от произведенного продукта. “Социальное партнерство” труда и капитала, которым так гордилась Германия в конце XX в., затрещало по швам. По всей стране прокатилась волна забастовок, особенно чувствительных там, где затрагивались интересы основной массы населения – на транспорте, в сфере социального обслуживания. Государству приходится вмешиваться и оказывать давление на обе стороны, нарушая провозглашенную им самим “тарифную автономию”. В то же время жупел “классовой борьбы”, который поднимают на щит левые радикалы, сегодня не находит понимания у большинства немецких трудящихся, привыкших к постепенности и компромиссам с работодателями.

До сих пор не завершено санирование производственной и транспортной инфраструктуры на территории бывшей ГДР. Вопреки заявлениям политиков и усилиям партии “зеленых” так и не удалось перевести основную часть грузопотока с “автобанов” на рельсы. Сохраняется зависимость энергетики ФРГ от внешних источников сырья, масштабные проекты расширения поставок газа из России (“Северный поток”) находятся пока еще в начальной фазе реализации. Кризис поставил под вопрос предвыборные обещания правящей коалиции снизить бремя налогов на предпринимателей, на четверть уменьшить бюрократические расходы.

Первая антикризисная программа была принята правительством уже в октябре 2008 г., за ней последовал закон о стимулировании рыночной конъюнктуры и снижении ряда налогов с предпринимателей. Канцлер Германии А. Меркель признала, что речь идет о “самом глубоком кризисе в истории ФРГ”. В отличие от других стран в ФРГ не произошло всплеска безработицы (сегодня в стране 3,2 млн. человек не имеют работы). Для немцев, помнящих последствия мирового экономического кризиса 1929–1933 г., это весьма важное явление. Эксперты объясняют стабильность на рынке труда широким

внедрением укороченной рабочей недели, это мероприятие охватило более миллиона лиц, работающих по найму. Работают они гораздо меньше, “по производственной необходимости”, но получают почти полную зарплату, ибо разницу покрывает предпринимателям федеральное ведомство по трудоустройству.

Новейшие экономические показатели свидетельствуют о том, что в целом германская экономика справляется с кризисом “малой кровью”. На докризисном уровне сохраняются объемы экспорта, осенью 2009 г. начался постепенный рост промышленного производства. В то же время антикризисные мероприятия правительства, выдержанные в духе неокейнсианских рецептов, обостряют проблему государственного долга. 16 декабря 2009 г. кабинет министров ФРГ принял бюджет на следующий год, предусматривающий рост государственных расходов на 10%. Дефицит бюджета составит рекордную сумму в 86 млрд. евро.

В случае, если экономическая рецессия примет затяжной характер, Германии придется примкнуть к числу “стран-штрафников” зоны евро, которые не выполняют принятые на себя обязательства по обеспечению финансовой стабильности. К запланированным наверняка добавятся и непредвиденные расходы – только один холодный январь 2010 г. обошелся Германии в 2 млрд. евро, дополнительно потраченных на отопление помещений и уборку улиц.

Мировой экономический кризис в очередной раз обнажил основной конфликт современного капитализма – между экономической эффективностью и социальной защищенностью. После того, как государственные мероприятия вытаскивают экономику Германии из рецессии, за руль вновь возьмутся неолибералы, чтобы расчистить поле для очередного раунда “свободной игры рыночных сил”. Будет снижаться налоговое бремя на предпринимателей, произойдет дальнейшая либерализация рынка труда, продолжится экономия на социальных расходах.

ПРАВЛЕНИЕ “КРАСНО-ЗЕЛЕННОЙ КОАЛИЦИИ”⁷

Парламентские выборы 27 сентября 1998 г. подвели черту под 16-летней “эпохой Коля”. Лидер блока христианских демократических партий ХДС-ХСС Г. Коль вошел в историю как “канцлер единства”, способный, несмотря на свою внушительную фигуру, в нужный момент проявлять недюжинную энергию и быстроту реакции. Однако постепенно Коль потерял как своих сторонников в правительственном лагере, так и поддержку населения. Правительству “буржуазной коалиции” (христианские демократы и партия либералов – СвДП) ставили в вину неспособность найти новые стимулы для развития экономики, слишком высокую цену, заплаченную за “санирование” бывшей ГДР, наконец, коррупцию и непродуманные кадровые решения.

Выборы принесли с собой радикальное изменение партийно-политических сил в стране. Социал-демократы вернули себе лидерство в бундестаге, получив более 40% голосов избирателей, а партия “зеленых” обошла либералов. Это позволило кандидату от СДПГ премьер-министру земли Нижняя Саксония Г. Шрёдеру сформировать “красно-зеленую коалицию”. Правительства таких цветов еще ни разу не видели в Бонне. Более того, впервые в истории ФРГ произошла столь резкая смена власти – ни одна из партий новой коалиции до момента выборов не входила в правящий блок.

Отказавшись от сотрудничества с христианскими демократами, Шрёдер сделал ставку на перемены. “Прорыв и обновление” – так звучал девиз “красно-зеленых”. В обществе и средствах массовой информации проводились параллели с приходом к власти В. Брандта, которому немцы также отдавали не только свои голоса, но и человеческие симпатии. При голосовании вотума доверия новому канцлеру произошел уникальный случай: Шрёдер получил на шесть голосов больше, чем имели в бундестаге партии его коалиции.

⁷ Ende des rot-grünen Projektes. Eine Bilanz der Regierung Schröder 2000–2005. Wiesbaden, 2007; Deutschland im Abseits? Rotgrüne Außenpolitik, Baden-Baden, 2003.

Министров его кабинета называли “последними из могикан”, имея в виду поколение, сформировавшее свое мировоззрение в эпоху молодежного протеста конца 1960-х годов. Действительно, “шестидесятники” наконец-то добрались до ключевых постов в политической системе, о чем они так мечтали в годы своей “революционной борьбы”. Прошедшие десятилетия наложили на каждого из них свой индивидуальный отпечаток. Шрёдер, когда-то левый социалист, стал жестким и прагматичным политиком, обладающим инстинктом властвования, умеющим разговаривать с простыми людьми и нравиться им. В отношениях с коллегами по правительству он демонстрировал авторитарный стиль, в ходе контактов с иностранными лидерами делал ставку на доверительные личные отношения, не свободные от симпатий и антипатий⁸.

Лидер партии “зеленых” Й. Фишер, получивший пост министра иностранных дел и вице-канцлера, начинал свою политическую биографию в лагере “внепарламентской оппозиции”⁹. Журналисты пытались раскопать его связи не только с немецкими левыми радикалами, но и с палестинскими террористами. Фишер, когда-то приходивший на заседание правительства земли Гессен в свитере, джинсах и кроссовках, постепенно превратился в сибарита и салонного политика, подчинившего тактической целесообразности принципиальные установки экологического и пацифистского движения. В 1999 г. ему удалось заставить партию поддержать решение об участии ФРГ в военных действиях НАТО против Югославии.

Еще одна яркая фигура левой политической сцены, социал-демократ О. Лафонтен, получил пост министра финансов. Пожалуй, он единственный сохранил верность идеалам своей юности. Его проекты радикальных реформ и резкие заявления о том, что за выход из экономических трудностей придется платить богатым, вызвали возмущение большого бизнеса. Шрёдер пожертвовал своим верным соратником – 11 марта 1999 г. Лафонтен покинул пост председателя СДПГ и министра финансов, заявив, что социально-экономические мероприятия кабинета несовместимы с его социалистическими убеждениями. Уход Лафонтена придал коалиции внутреннюю прочность, началось формирование единой команды высших политических менеджеров.

Шрёдер выступал не за раздувание государственных расходов в социальной сфере, как предлагали его левые соратники, а за глубокую модернизацию модели “государства всеобщего благоденствия”. Вместе с британским лидером Э. Блэром они разрабатывали программу “нового лейборизма”, предлагая обществу более активно включаться в решение тех или иных социальных проблем, опираясь на принципы субсидиаризма.

В практическом плане “красно-зеленые” продолжали двигаться по рельсам, предложенным Колем: огромные средства бюджета тратились на “сращивание двух Германий”, на втором месте находилось обеспечение позитивной динамики экономического развития, и лишь затем заходила речь о социальных проблемах. Значительное место в деятельности коалиции после 11 сентября 2001 г. заняло реагирование на вызов международного терроризма. Части бундесвера приняли участие в военной операции в Афганистане, что потребовало даже внесения изменений в конституцию ФРГ.

“Экологическая революция”, обещанная партией “зеленых”, обернулась принятием ряда законов, которые указывали на стратегическую перспективу развития страны. Был введен особый “экологический налог” на бензин, согласован срок окончательного вывода из эксплуатации атомных электростанций – 2032 г. В первые годы правления “красно-зеленой коалиции” было введено в оборот понятие “экологического тока” – за поставки электроэнергии из регенерируемых источников государство предоставляет ее производителям значительные налоговые льготы и финансовые компенсации.

“Зеленые” выполнили еще одно предвыборное обещание: в 2002 г. “партнерства” постоянно проживающих вместе гомосексуалистов приравнивали по своему правовому статусу к обычным семьям, несмотря на протесты церкви и партии христианских демократов. Ряд инициатив правительства Шрёдера был заблокирован оппозицией, на-

⁸ Шрёдер Г. Решения. Моя жизнь в политике. М., 2007.

⁹ Погорельская С.В. Йошка Фишер: политический портрет. М., 2003.

пример, предложение обеспечить за иностранцами, постоянно проживающими в ФРГ и готовыми стать гражданами этой страны, сохранение своего изначального гражданства. Кампания “против двух паспортов” нашла неожиданно широкую поддержку населения, прежде всего представителей старших возрастов. В результате двойное гражданство получают только дети иностранцев, родившиеся в Германии – по достижении 23 лет им приходится выбирать, гражданином какой страны оставаться.

К парламентским выборам 2002 г. “красно-зеленая коалиция” подошла без особых успехов, ей так и не удалось найти действенные меры против экономической стагнации. Число безработных достигло максимального уровня в истории ФРГ – 5 млн. чел. Однако дела у оппонентов обстояли гораздо хуже. Еще в 1999 г. вскрылись денежные махинации Коля и его ближайшего окружения, принимавшего от промышленников взносы в “черную кассу” партии. С 2000 г. начала свою работу специальная парламентская комиссия по выяснению деталей “финансовой аферы ХДС”. В результате партия вернула государству 21 млн. марок, полученных в качестве компенсации расходов на предвыборную борьбу. Свой пост был вынужден оставить генеральный секретарь ХДС В. Шойбле, его место заняла тогда мало кому известная А. Меркель¹⁰. Выросшая в ГДР, Меркель на рубеже 1990-х годов удачно попала в команду Коля. Ее избрание выражало надежду партийного базиса на прилив в руководство ХДС “свежей крови”.

В ходе предвыборной борьбы Шрёдеру удалось не только разыграть карту “продажных коррупционеров” из лагеря оппозиции, но и мобилизовать в свою пользу антиамериканские настроения – он торжественно пообещал не отправлять немецких солдат в Ирак без мандата ООН, что соответствовало настроениям значительной части населения. Наконец, свою роль сыграло и личное поведение канцлера: летом 2002 г., когда на Эльбе и Дунае случилось наводнение, ведущие телеканалы Германии показывали, как Шрёдер на месте руководил спасением людей, строительством дамб и прочими экстренными мероприятиями.

По итогам выборов, состоявшихся в сентябре 2002 г., обе “народные партии” – ХДС-ХСС и СДПГ – остались при почти полном равенстве полученных голосов (по 38,5%), “зеленые” прибавили почти 2%, либералы – менее 1% голосов. Такой результат позволил сохранить “красно-зеленую коалицию”, а Шрёдером был воспринят как мандат общества на проведение масштабных, давно назревших и крайне непопулярных реформ в социально-экономической сфере.

“Социальное государство”, на протяжении нескольких послевоенных десятилетий являвшееся главным предметом гордости политической элиты ФРГ, к началу XXI в. порядком обветшало, и денег на его капитальный ремонт в федеральной казне давно уже не было¹¹. Простое наращивание социальных расходов вело к тому, что на эту сферу тратилось около трети ВВП. Пикантным историческим парадоксом можно назвать тот факт, что за частичный и осторожный, но все же демонтаж существующей социальной системы пришлось взяться именно социал-демократам.

Основные направления реформы были провозглашены в правительственном заявлении 14 марта 2003 г. В течение 2004–2005 гг. пакет законов получил одобрение бундестага и вступил в силу. В последующие годы в политическом лексиконе утвердилось его обобщенное название – “Агенда 2010”. До этого года должна была быть решена комплексная задача, поставленная правительством – приспособить германскую экономику к вызовам глобализации, сделав ее более конкурентоспособной, и в то же время решить проблему одновременной безработицы, вернуть тех, кто попал на социальное дно, в сферу производственных и общественных отношений. Средством разрешения этой задачи становилось перераспределение общественного богатства в пользу тех, кто его производит.

¹⁰ Биографию Ангелы Меркель к моменту ее прихода в большую политику см.: *Патрушев А.И.* Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., 2009.

¹¹ *Погорельская С.В.* Немецкое общество в процессе реформ. – *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 7.

Если меры по облегчению налогового бремени и государственной поддержке прикладных научных исследований остались практически незамеченными, то главное внимание критиков “Агенды 2010” было обращено на ее социальную составляющую. Речь идет о радикальной реформе системы социального страхования, которая по имени своего разработчика члена правления концерна “Фольксваген” П. Хартца получила название “законов Хартца”. Сложная система начисления разного рода пособий и субсидий означала фактическое уменьшение их размеров. Сокращался в два раза срок выплаты пособия по безработице, привязанного к зарплате. Вводился жесткий финансовый контроль за получателями социальной помощи, жившими за счет “социального государства”. Люди трудоспособного возраста, не желавшие выходить на работу, которую им предлагала биржа труда, лишались значительного числа льгот. Несколько изменилась и практика начисления пенсий: отныне государство стало соинвестором тех, кто откладывал средства на грядущую старость.

Оценивая “Агенду 2010”, социологи заговорили о “смене парадигм”, о новой модели партнерства государства и общества. Реформы в целом были позитивно восприняты бизнесом, который приветствовал налоговые льготы и дерегулирование на рынке труда. Не вызвали они особой критики и в лагере правой оппозиции. Последующие годы показали, что “Агенда 2010” открыла для германской экономики новые горизонты, ослабила налоговое бремя не только на предпринимателей, но и на наемных рабочих, позволила на какое-то время снять остроту вопроса о дефиците пенсионных касс.

Однако представители социальных групп, работавших по найму, встретили реформы в штыки. Профсоюзные объединения провели массовые выступления протеста, Шрёдера обвиняли в предательстве, в беспринципном оппортунизме и проведении “политики на поводу у крупного капитала”. СДПГ, партия Шрёдера, оказалась на грани раскола, левое крыло требовало публично дистанцироваться от правительственного курса, добровольно уйти в оппозицию. Весной 2004 г. Шрёдер был вынужден отказаться от поста председателя партии.

В этих условиях Шрёдер принял неожиданное решение, заявив о необходимости провести внеочередные парламентские выборы уже в 2005 г. В основе такого шага лежало желание получить вотум избирателей на продолжение реформ, а также опасение, что ситуация в социал-демократической партии окончательно выйдет из-под контроля. Еще одним фактором, который имел в виду Шрёдер, было появление в партийном спектре ФРГ новой политической силы – “объединения левых”. Поспешность с назначением выборов, возможно, являлась частью игры на опережение, чтобы не допустить вхождения представителей этого объединения в бундестаг. Ни для кого не было секретом, что за новых левых будут голосовать избиратели, разочаровавшиеся в итогах правления “красно-зеленой коалиции”.

Еще в 2002 г. в левой части партийного спектра ФРГ все выглядело иначе. В ходе парламентских выборов 2002 г. Партия демократического социализма (ПДС) – наследница СЕПП, правившей в ГДР, не смогла преодолеть даже 5%-ный барьер, ее кандидаты получили лишь три прямых мандата и не смогли образовать собственную фракцию. Большинство наблюдателей восприняло такой результат как окончательное завершение в Германии “социалистического эксперимента” и выход из избирательной гонки “партии пенсионеров”. Однако слухи о смерти самой левой из представленных в бундестаге партий оказались несколько преувеличенными.

Оказавшись перед угрозой исчезновения с федеральной политической арены, ПДС сделала ставку на преодоление своего “регионального” имиджа как олицетворения бывшей ГДР, осудила возведение берлинской стены и преступления коммунистической диктатуры. Партия смогла прорваться к традиционным “левым” в Западной Германии, прежде всего руководителям и активу ведущих профсоюзов. Недовольные курсом Шрёдера и его “Агендой 2010”, они сгруппировались вокруг фигуры Лафонтена, сохранившего образ политика искренних убеждений, стоящего на страже интересов трудящихся и “отвергнутого системой”.

К началу предвыборной борьбы 2005 г. ПДС успела оформить союз с “Избирательной инициативой за труд и социальную справедливость”, за которой стояли профсоюзы западной части страны (окончательно новая партия, получившая название Левой, оформилась только в июне 2007 г.). Таким образом, реальные шансы занять места в германском бундестаге появились уже не у трех или четырех, как ранее, а у пяти партий. Сдвиг влево и расширение партийной системы ФРГ явились результатом непопулярных реформ и в то же время продемонстрировали, насколько чутко демократическая система отреагировала на смену настроений в обществе.

ПРАВИТЕЛЬСТВО “БОЛЬШОЙ КОАЛИЦИИ”

Канцлер Шрёдер пошел ва-банк, после серии непопулярных реформ превратив парламентские выборы в вотум доверия своей персоне. Победа позволила бы ему вернуть утраченные позиции в СДПГ и сохранить авторитарный стиль руководства в кабинете министров. Однако он просчитался. “Агенда 2010” наносила главный удар именно по тем слоям немецкого общества, которые традиционно голосовали за социал-демократов. Шрёдер, как и ранее Шмидт, был брошен на произвол судьбы собственной партией. В ходе второго легислатурного периода стало окончательно ясно, что “зеленые” перестали быть зелеными, а “красные” – красными. Фронта по отношению к администрации Буша, связанная с войной в Ираке, сути дела не меняла.

Меркель, впервые игравшая роль альтернативного кандидата на высший пост исполнительной власти ФРГ, грамотно построила собственную предвыборную стратегию. Избегая прямой похвалы в адрес “Агенды 2010”, она подчеркивала, что ведет борьбу за “центр”, т.е. за середину электорального пирога. Она не давала возможности оппонентам представить себя выразителем предпринимательских интересов и в то же время использовала избитый лозунг “красные идут!”, пугая избирателей перспективой левой коалиции.

Выборы 18 сентября 2005 г. закончились очередным уменьшением числа избирателей, поддержавших “народные партии”. Христианские демократы получили 35,2% голосов, что открывало им возможность сформировать новую коалицию, социал-демократы – 34,2%. Зато серьезно прибавили партии “второго эшелона”, главным сюрпризом выборов стал успех Левой партии, набравшей 8,7% голосов. В Восточной Германии (включая весь Берлин) за нее проголосовало 23,3% избирателей.

Накануне выборов социал-демократы заявили, что ни при каких условиях не пойдут на коалицию с Левой партией. В бундестаге сложилась патовая ситуация: ни у “красно-зеленых”, ни у буржуазного блока не было большинства. После долгих переговоров на суд гражданам Германии была представлена коалиция, которую пресса тут же окрестила “противоестественной” – обе “народные партии”, как в 1966–1969 гг., пошли на сделку друг с другом. Пожертвовав Шрёдером, социал-демократы получили в новом кабинете министров 8 кресел из 15.

Канцлер Меркель, возглавившая правительство, была встречена скептическими улыбками прожженных политиков. Даже коллеги по партии считали ее не созревшей для такого поста, баловнем судьбы. Вскоре даже самые завзятые скептики были вынуждены признать свою неправоту. “Девочка Коля” за четыре года правления “большой коалиции” превратилась в “мамашу Ангелу”, тактично гасившую любые трения в кабинете министров. Журналисты любят сравнивать ее с русской императрицей Екатериной II, портрет которой висит в кабинете первой женщины – канцлера Германии. По своей популярности уже в 2007 г. Меркель в два раза опережала правительство в целом. Мягкий стиль ее руководства выгодно контрастировал с “твердой рукой” и жесткими заявлениями Шрёдера. Факт, что Меркель являлась выходцем из Восточной Германии, добавлял ей симпатий со стороны жителей бывшей ГДР.

Меркель быстро сработалась со вторым лицом в правительстве – вице-канцлером и министром иностранных дел Ф.-В. Штайнмайером. Этот “человек без недостатков”, как о нем писала пресса, возглавил СДПГ в трудное для партии время. В конечном

счете, он оказался партийным лидером не только без недостатков, но и без особых достоинств. 28 октября 2007 г. социал-демократическая партия приняла очередную Гамбургскую программу, которая, реагируя на политическую конъюнктуру, олицетворяла собой некоторый сдвиг влево. В гораздо большей степени, чем идеологические шатания, вернуть былое влияние социал-демократам мешала нестабильность в высшем эшелоне партийного руководства, а также неопределенность в вопросе, готовы ли они идти на политическое сотрудничество слевой партией.

Если “народные партии” пребывали в состоянии перманентного кризиса, то их младшие партнеры неуклонно наращивали собственное влияние. Левая партия утверждала, что только она защищает идеалы социализма, либералы – что только они являются настоящими “рыночниками”. Лафонтен и лидер СвДП Г. Вестервелле стали одними из самых заметных фигур на политическом Олимпе Германии, хотя и критиковали деятельность “большой коалиции” с противоположных флангов. Политологи увидели в этом тенденцию к дальнейшей фрагментации партийной системы и стали выражать серьезную озабоченность тем, что, как и во времена Веймарской республики, идейно-политическое размежевание будет доминировать над поиском межпартийного консенсуса.

Экономический подъем, совпавший со временем правления “большой коалиции”, стал для нее мощным спланивающим фактором. В условиях роста доходной части бюджета потеряли свою актуальность дальнейшие шаги по модернизации “социального государства”. В 2007 г. число безработных в ФРГ упало до 3,43 млн. чел. Это был самый низкий уровень с 1992 г. Правительство всерьез отнеслось к повышению наукоемкости экономики, предложив повысить роль прикладных исследований в германских вузах. Каждый из девяти избранных “элитных университетов” получит до 2011 г. из государственной казны около 21 млн. евро, при этом 75% этой суммы покроет федеральный, а 25% – земельный бюджет. Значительное внимание уделяется в ФРГ и “отбору мозгов” – в ее вузах обучается более четверти млн. студентов из других стран; лучшие из них без труда находят себе работу на крупнейших германских предприятиях.

Еще одна область, которая находилась под постоянным контролем “большой коалиции” – обеспечение внутренней безопасности. В Германии до сих пор удавалось предотвращать теракты, которые планировали совершить мусульманские экстремисты, под жестким контролем властей находится и праворадикальное движение, загнанное в подполье¹². Ведомство криминальной полиции получило новые полномочия для борьбы с угрозой политического терроризма, в том числе и на проведение превентивных мероприятий, прослушивание телефонных разговоров, высылку из страны нежелательных иностранцев. Если раньше система управления правоохранительными органами была сосредоточена в землях, то с 1 марта 2008 г. произошла серьезная централизация этой системы – “федеральная полиция” получила новые сферы ответственности.

Давно назрела и административная реформа, которая должна сделать более прозрачными отношения Берлина и отдельных земель. Первым этапом ее реализации стал конституционный закон, принятый бундстагом 30 июня 2006 г. В рамках закона было изменено и дополнено 25 статей Основного закона ФРГ, касающихся разграничения компетенций центра и субъектов федерации. Это касается таких сфер общественной жизни, как поддержка передовых научных исследований, охрана окружающей среды, борьба с международным терроризмом. Эксперты предлагают не останавливаться на достигнутом и идти дальше, в направлении “сравновательного федерализма”. Однако решающего прорыва здесь так и не произошло – не в последнюю очередь потому, что отдельные земли не желают отказываться от своей финансовой автономии¹³.

В качестве превентивной меры, направленной против земельного сепаратизма, в Берлине все активнее обсуждается перспектива укрупнения субъектов федерации –

¹² Козловцев А. Борьба с терроризмом в ФРГ. – Обозреватель, 2006, № 1.

¹³ О проблемах и перспективах германского федерализма см. Modell Deutschland – Erfolgsge-schichte oder Illusion? Göttingen, 2007.

предлагается из 16 нынешних федеральных земель сделать 6 или 7. Существует законодательная инициатива о введении прямых выборов в земельную палату германского парламента – бундесрат, что превратит его в подобие американского сената. На трансформацию германского федерализма все большее влияние оказывает процесс европейской интеграции, в частности, поощрение Брюсселем “еврорегионов”, которые складываются в рамках Евросоюза без учета существующих государственных границ¹⁴.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА¹⁵

Страхи европейских соседей, что Германия после объединения вновь заявит о своих претензиях, если не на мировое господство, как неоднократно было в прошлом веке, то, по крайней мере, на региональное лидерство, к счастью, не оправдались. ФРГ при любой правительственной коалиции сохраняла верность курсу на объединение Европы при демонстрации верности (в разной степени) традициям атлантизма. Продвижение границ НАТО, а затем и ЕС на восток Европы создало новые геополитические условия для развития страны, которая уже не являлась “пограничной”. Германия активно использует преимущества нового положения в центре объединенной Европы, возвращая себе былые экономические позиции в Чехии, Польше, Венгрии, одновременно претендуя на роль “моста”, связывающего Европу с активно развивающимися странами третьего мира, прежде всего с Китаем.

Новая редакция Основного закона ФРГ содержит статью о возможности передачи полномочий федерального правительства европейским структурам. Не случайно, что именно в период председательства Германии в ЕС в первой половине 2007 г. был пройден основной этап подготовки “Лиссабонского договора”, подписанного 13 декабря 2007 г. Германия является не только “локомотивом европейской интеграции”, но и главным донором Евросоюза. Около четверти бюджета этой организации складывается из поступлений из ФРГ. В то же время ориентированная на экспорт германская экономика больше других стран получает преимущества от исчезновения границ между членами ЕС. Кроме того, из кассы ЕС финансируются инфраструктурные мероприятия в Восточной Германии – с 2000 г. на них выделено около 25 млн. евро.

Немецкие “евроскептики” находятся на краю политического спектра, по опросам не более 10% населения выступает против участия ФРГ в ЕС. Партийно-политические конфликты затрагивают скорее побочные вопросы – например, прием Турции в Евросоюз. За это выступает только 21% немцев (и 31% европейцев). Отношения с соседями продолжают отталкиваться от трагичных страниц истории XX в. Германо-французское примирение, состоявшееся еще усилиями Ш. Де Голля и К. Аденауэра, в настоящий момент – одна из основ геополитического равновесия в Европе. По традиции свой первый международный визит вновь избранный канцлер Германии наносит именно в Париж.

Примирение “наследственных врагов” – немцев и французов – является образцом для нормализации отношений с Польшей, которые до сих пор несут на себе налет взаимного недоверия. Речь идет, прежде всего, о проблеме “беженцев” – немцев, насильственно выселенных с территорий, отошедших Польше по решению Потсдамской конференции. В свою очередь польское общественное мнение не считает закрытым вопрос о компенсациях за разрушения и жертвы, понесенные страной в результате гитлеровской агрессии. Противодействие польского правительства строительству газопровода “Северный поток”, который активно лоббировали германские правящие круги, является лишним подтверждением очевидного факта о тесной связи экономики и политики в современном мире.

¹⁴ Бирюков С.В. Германия–Франция: спор о “Европе регионов”. – Мировая экономика и международные отношения, 2008, № 10.

¹⁵ Давлетшина Д.К. Политика ФРГ в Европейском Союзе. М., 2006; Никитин А.К. Современная внешнеполитическая стратегия ФРГ. М., 2008.

Готовность ФРГ активно участвовать в решении международных проблем не только методами дипломатии, но и военной силой, проявилась на рубеже XX–XXI вв. на Балканах. В июне 1999 г. после бурных дискуссий бундестаг принял решение, допустившее участие солдат бундесвера в войне против Югославии. При этом “красно-зеленая коалиция” не стеснялась ссылок на собственную историю, подчеркивая, что на немцев ложится особая ответственность за то, чтобы геноцид не повторился в Европе. Это раскололо общественное мнение, партию “зеленых” обвиняли в отходе от пацифистских принципов, которые всегда отличали экологическое движение.

Внешнеполитический консенсус в общественном мнении был восстановлен после терактов в США 11 сентября 2001 г. В конце 2001 г. первые солдаты бундесвера прибыли в Афганистан. Министр обороны ФРГ П. Штрук заявил, что “ФРГ защищает свою безопасность в Гиндукуше”. Зоной ответственности бундесвера стал относительно спокойный север Афганистана, однако постоянное наращивание германского контингента при минимуме достигнутых результатов привело к тому, что более половины немцев ныне считают стратегию НАТО в этом регионе бесперспективной. Афганский опыт привел не только к усилению левой оппозиции вне бундестага, но и повлиял на правительственный курс. Два года спустя Шрёдер отказался от участия в военной операции США в Ираке, если она не получит одобрения ООН. Это вызвало серьезное недовольство в Вашингтоне, журналисты стали говорить о складывании “оси Париж–Берлин–Москва”, однако более свободное толкование “красно-зелеными” принципов атлантизма оказалось тактическим шагом, вызванным прежде всего внутривластными причинами. Визит Ангелы Меркель в США в конце 2005 г. позволил снять напряженность в германо-американских отношениях, но о возвращении немцев к роли “младшего брата” речи уже не идет¹⁶.

Правительство “большой коалиции” активно включилось в международный диалог, посвященный борьбе с глобальными угрозами цивилизации. Из бюджета ФРГ выделяется второй после США объем помощи развивающимся странам – более 10 млрд. евро ежегодно. ФРГ входит в “шестерку”, которая ведет переговоры с Ираном по вопросам ядерной энергетики. Меркель сделала проблему глобального потепления климата на Земле ключевой в ходе встречи “восьмерки”, проходившей в Германии, в городе Хайлигендамме в 2007 г. Дипломатия ФРГ не прекращает кампанию за получение страной места постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Пусть не напрямую, но решение этой задачи тормозится фактом исторической ответственности Германии за развязывание в XX в. двух мировых войн. Однако и здесь пробивают себе дорогу тенденции, подводящие черту под прошлым. Символическое значение имел тот факт, что 9 мая 2005 г. канцлер Шрёдер впервые оказался среди лидеров зарубежных государств, приглашенных в Москву на празднование 60-летия Победы над нацизмом. Уже на следующий день в Берлине произошло открытие мемориала холокоста, воздвигнутого на том месте, где когда-то находилась гитлеровская рейхсканцелярия. За пять лет до этого, 6 июля 2000 г. бундестаг принял закон о компенсациях, имеющий прямое отношение к десяткам тысяч граждан России. В специальный фонд, из которого производились выплаты принудительно угнанным в Германию “остарбайтерам”, 5 млрд. марок внесло государство и столько же – предприятия, использовавшие рабский труд в годы “третьего рейха”.

В современных отношениях Германии с Россией доминирует экономическая составляющая, каждая из стран успешно использует конкурентные преимущества партнера¹⁷. При этом сказывается разный масштаб национальных экономик. Доля России во внешнеторговом товарообороте Германии составляет лишь около 2%, при этом составляющая сырья в импорте из России – свыше 90%. Напротив, из Германии к нам

¹⁶ Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ. – Мировая экономика и международные отношения, 2009, № 7.

¹⁷ Никитин А.К. Модель взаимодействия России и Германии по преодолению глобального финансового кризиса. М., 2010.

приходят новейшие технологии и наукоемкие высокотехнологичные товары. Назовем лишь немецкие автомобили и скоростной поезд “Сапсан” фирмы “Сиенс”, успешно курсирующий ныне между Москвой и Санкт-Петербургом.

Для поощрения общественных контактов с апреля 2001 г. открыт Петербургский диалог, мероприятия которого проходят под патронажем, а иногда и при участии лидеров обеих стран. В 2003 и 2004 гг. в России и Германии с большим успехом был проведен год культуры страны-партнера. В научном освоении общего прошлого и преодолении сложившихся стереотипов растущую роль играет Германский исторический институт в Москве, открывшийся в сентябре 2005 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ¹⁸

После объединения Германии перспектива складывания социально гомогенного общества, о которой говорили в благополучные 1980-е годы, вновь отодвинулась в далекое будущее. Если в 1990-е годы острота вопроса заключалась в том, будет ли способна ФРГ “переварить” столь масштабный прирост территории и населения, то в первом десятилетии XXI в. на первый план выдвинулись политические баталии по поводу раздела практически не растущего “социального пирога”.

Социальные контрасты современной Германии во многом сглажены системой государственной поддержки, но они никуда не исчезли. Различные виды социальной помощи получают более 40% взрослых граждан ФРГ; на социальные нужды тратится почти треть произведенного ВВП. Немцы гордятся своей системой социального страхования, однако она не справляется с растущей поляризацией населения. На сегодняшний день в ФРГ более половины общественного богатства находится в руках менее 10% населения. Как правило, это люди старшего поколения, не принимающие активного участия в производственном процессе.

На противоположном полюсе – молодежь, иностранцы, постоянно живущие в ФРГ, матери-одиночки; список категорий “новых бедных” неуклонно пополняется. Вновь актуальной становится старая истина о том, что бедность передается по наследству. Тот, кто находится на низших ступенях социальной лестницы, не может обеспечить себе комфортные условия жизни, а своим детям – достойное будущее. С 1982 г. почти в два раза уменьшилось число выходцев из низших слоев общества, получающих высшее образование.

Традиционный классовый водораздел – между работодателями и лицами наемного труда – остается. Однако не он определяет ныне вектор общественных настроений. Более актуальны проблемы, связанные с постоянным стрессом на рабочем месте, страхом потерять работу, подвести близких. Вместе с традиционным рабочим классом размываются такие понятия, как солидарность, общность мировоззрения, готовность к активной стачечной борьбе. Политическая элита увязывает негативные социально-психологические процессы с глобальной конкуренцией, вызовом со стороны развивающихся стран, потерей Германией своей инвестиционной привлекательности.

Эти процессы играют не последнюю роль в том, что германская экономика работает не в полную силу. На протяжении последнего десятилетия число безработных в процентном отношении к самодостаточному населению не опускалось ниже двузначных значений. Максимум был достигнут в феврале 2005 г. На биржах труда было зарегистрировано 5,2 млн. чел., искавших работу. Еще 2,5 млн. чел. не попадали в официальную статистику, так как участвовали в разного рода программах переобучения или находились в предпенсионном возрасте.

“Законы Хартца” не принесли большой экономии государственных средств. Только на пособия безработным и мероприятия по их переобучению в ФРГ затрачивается око-

¹⁸ Conze E. Die Suche nach Sicherheit: eine Geschichte der BRD von 1949 in die Gegenwart. München, 2009; Schröder K. Die Veränderte Republik. Deutschland nach Wiedervereinigung. München, 2006.

ло 100 млрд. евро в год. Однако новые условия заставили получателей социальной помощи предпринимать более активные усилия для трудоустройства. Через год пособие по безработице, связанное с получаемой ранее зарплатой, превращается в скромную социальную субсидию. Стереотип безработного с плакатом “Ищу любую работу” не так уж далек от истины – с той лишь разницей, что эту работу ему теперь навязывает государство. Отказ от нее означает сведение государственного пособия к минимуму в 320–350 евро в месяц (“Хартц IV”). В 2009 г. на “Хартц IV” (одно из самых популярных словосочетаний в нынешней Германии) жило около 6,5 млн. чел., из них 1,7 млн. детей.

Конечно, над этими людьми не витает призрак голода, но им приходится перекраивать свой образ жизни, отказываться от большинства удовольствий. Например, государство оплачивает квартиру, чтобы они не оказались на улице – но самую примитивную. Из-за страха перед “законами Хартца” все больше людей соглашается на мизерную оплату труда – от 3 евро в час. Социологи вводят в свои подсчеты категорию “малозарабатывающих” или “социально слабых” – эти люди имеют работу, но на жизнь им все равно не хватает, и они вынуждены обращаться за государственным пособием. Пресса пишет о них как о “проигравших в битве под названием глобализация”.

О классовых баталиях уже мало кто вспоминает, хотя Объединение немецких профсоюзов (7 млн. членов) иногда показывает свою силу. Правда, это касается только крупных предприятий, таких как заводы фирм “Опель” или “Нокиа”. Банкротство известного агентства по рассылке товаров “Квелле” в октябре 2009 г. имело символическое значение. 4000 его сотрудников в пятницу вечером получили уведомления по телефону, что с понедельника им уже не придется выходить на работу.

Высокая профессиональная мобильность характеризует образ жизни того большинства немцев, которое считает себя благополучным. 13 млн. жителей ФРГ живут в одиночку, т.е. ведут индивидуальное хозяйство. Привычным стало понятие “семьи выходного дня”, члены которой фактически ездят друг к другу в гости. Разрыв стабильных связей в коллективе, жестокая (хотя и внешне вежливая) конкуренция в погоне за карьерой, потеря чувства локтя и комфортных семейных ниш – все это ведет к росту депрессии, алкоголизма и наркомании.

Второй по значению проблемой, которая волнует все общество, является реформа здравоохранения, начатая в годы правления “большой коалиции”. В Германии действует система обязательного медицинского страхования, однако на практике действует “затратный принцип” – чем больше болезней у пациента, тем лучше для врача. Больничные кассы уже не в состоянии оплачивать новейшие лекарства и дорогостоящие операции, это сказывается на общем уровне здравоохранения. Первый этап его реформы, начавшийся 1 января 2009 г., связан с появлением “фонда здоровья”, в который стекаются взносы застрахованных и государственные средства. В результате упрощается система финансового контроля, что привело к некоторой стабилизации в этой сфере, однако до полного решения проблемы еще далеко. Реформа здравоохранения провозглашена в качестве приоритетной задачи нынешнего правительства.

Демографическая ситуация в стране также доставляет ему немало хлопот. Сейчас в ФРГ 20 млн. пенсионеров, а число лиц трудоспособного возраста неуклонно сокращается. В результате под угрозой оказался “пакт поколений”, которым гордилась Западная Германия на протяжении десятилетий и который являлся существенным фактором социальной стабильности в стране. В будущем ситуация вряд ли улучшится – по прогнозам социологов, во второй половине XXI в. уже половина населения Германии достигнет пенсионного возраста. Постепенное повышение пенсионного возраста до 67 лет к 2029 г. (прибавляется по месяцу в год) вряд ли решит эту проблему, тем более что население весьма болезненно относится к любому вмешательству государства в достигнутый уровень социальных гарантий.

С каждым годом в ФРГ растут субсидии на детей – “киндергельд”, которые выплачиваются вплоть до достижения ими совершеннолетия, однако говорить о переломе в демографической сфере пока рано. Особая финансовая поддержка со стороны государства оказывается матерям-одиночкам, в результате более трети детей в стране появля-

ется на свет вне брака. Все же женщинам зачастую приходится выбирать: либо карьера, либо семья. На сегодняшний день более 40% немцев с высшим образованием не имеют и не хотят иметь детей.

Несмотря на серьезные меры по увеличению рождаемости, без притока людей из-за границы у немецкой нации не может быть будущего. ФРГ официально признана страной, поощряющей иммиграцию. При этом ставка делается на привлечение мозгов, в том числе и из стран третьего мира. Закон о признании дипломов о высшем образовании, полученном за границей, позволил десяткам тысяч людей получить работу по специальности, закрыл бреши среди таких дефицитных специальностей, как больничные врачи, медсестры и инженеры. Парадоксально, но из года в год растет эмиграция самих немцев, получивших высшее образование, прежде всего в США и страны ЕС – они считают, что там им проще пробиться и достичь успеха в бизнесе или научной деятельности.

Ныне в ФРГ постоянно проживает более 7 млн. иностранцев, к этому следует добавить еще 1,5 млн. иммигрантов, уже получивших германское гражданство. Самая крупная этническая община – почти 2 млн. человек – выходцы из Турции; 3,5 млн. иностранцев исповедуют ислам. С проблемами интеграции этих групп населения в европейскую культурную среду можно столкнуться в турецких кварталах, расположенных в нескольких шагах от центра современного Берлина. Некоторые их обитатели отказываются признавать не только правила поведения, но и нормы германских законов: дети не ходят в школу, девушек насильно выдают замуж, имеет место фактическое многоженство. Однако иностранцы, в том числе из стран третьего мира – неотъемлемая черта современной Германии. Не в последнюю очередь потому, что они трудятся там, где не соглашались работать немцы.

Пестроту национально-культурных различий в стране дополняют “поздние переселенцы”, т.е. этнические немцы из Восточной Европы и СССР, которым сразу по приезде предоставляется германское гражданство. Эта категория достигает 4,5 млн. человек, им приходится немало потрудиться, чтобы стать “настоящими немцами”. В то время как местные власти прилагают значительные усилия для интеграции новоприбывших, окружающее население при внешней вежливости окружает их холодным отчуждением. Люди, приехавшие из других стран, вне зависимости от их национальности, выступают в восприятии немецких обывателей в роли “нахлебников”, эксплуатирующих социальное государство.

В 2005 г. безработным был каждый десятый немец трудоспособного возраста и каждый четвертый иностранец, проживавший в ФРГ. Среди иностранцев по статистике бедных в три раза больше, чем среди немецких граждан. Правда, есть и обратная сторона медали – многие из них пользуются пособиями социального государства, зарабатывая неплохие деньги в сфере “теневого бизнеса”. Так, в Берлине каждый второй взрослый турок живет на пособие “Хартц IV”.

С 1 января 2005 г. в ФРГ вступил в силу новый закон об иностранцах, обсуждение которого длилось более пяти лет. Согласно этому закону облегчено принятие гражданства ФРГ (отказ от “права крови”). В то же время, ужесточен контроль над иностранцами, постоянно проживающими в стране. Теперь выслать их за пределы Германии могут и региональные власти. Беженцев, если они прибыли из “безопасных третьих стран”, автоматически отправляют обратно. Тема иностранцев весьма политизирована и постоянно играет немалую роль в ходе предвыборной борьбы на федеральном и земельном уровнях. Так, 2009 г. лидеры ХДС-ХСС выступили за то, чтобы законодательно закрепить за немецким языком статус государственного.

Специфической чертой социального облика современной Германии является заметный контраст между Западом и Востоком. Бедных в восточногерманской земле Мекленбург-Передняя Померания ровно четверть от всего населения, а в самых благополучных землях Юго-Запада страны – около 10% (бедным в Германии считается тот, кто имеет менее 60% от среднестатистического дохода на душу населения). Продолжается отток населения с территории бывшей ГДР. Сейчас там проживает всего 15 млн. чел. – на 2 млн. меньше, чем в 1990 г. На практике получается так: тот, кто остается на востоке – остается бедным. Там произошла настоящая деиндустриализация, новые федеральные

земли не без горькой иронии называют “заповедником пенсионеров”. Действительно, пенсии у бывших граждан ГДР выше, чем у западногерманских немцев, так как там работали почти все женщины. Зато более чем у трети детей на востоке страны родители ныне живут на социальное пособие.

На реструктурирование бывшей ГДР были затрачены огромные средства, и этот процесс продолжается, однако на сегодняшний день очевидно, что “ножницы” между уровнем и образом жизни Востока и Запада не будут сомкнуты при нынешнем поколении.

Валовой внутренний продукт, произведенный в расчете на одного жителя, в новых федеральных землях ныне все еще на треть меньше, чем на западе ФРГ. В то же время с точки зрения распределения благосостояния общество там более гомогенно, без одиозных “нуворишей”. Это вызывает определенный эффект социальной и региональной солидарности, выраженный скорее в негативном плане – “мы вместе против весси” (так называют западных немцев).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ¹⁹

Сильное и уверенное в себе гражданское общество является специфической чертой и гордостью современной Германии. Власти не просто считаются с мнением общественных объединений (их насчитывается до полумиллиона и в них состоит 16% всех жителей страны), но и видят в них незаменимого партнера при решении актуальных проблем. Новой тенденцией является не пожизненное членство того или иного гражданина в союзе, а параллельное участие в совершенно разных, зачастую спонтанно возникающих социально значимых проектах²⁰.

Социологи утверждают, что общественные организации современной ФРГ превратились в “третий двигатель прогресса” наряду с государством и рынком. Они охватывают практически все сферы человеческого общежития, будь то пожарная охрана, уход за стариками, интеграция иностранцев, поддержание порядка на улицах и борьба с правым экстремизмом. Согласно оценкам, опубликованным в 2009 г., тот объем работы, который выполняют общественные активисты бесплатно, потребовал бы создания 3,2 млн. рабочих мест с соответствующей финансовой нагрузкой на государственный бюджет.

Связующим звеном между гражданским обществом и политической элитой выступают формально независимые фонды, существующие при партиях, предпринимательских структурах и профсоюзах²¹. В 2008 г. насчитывалось 16,4 тыс. таких фондов, их совокупный капитал превысил 100 млрд. евро. Самый крупным является Фонд фирмы “Фольксваген”, специализация которого – поддержка научных исследований и социальных проектов. На эти цели из кассы фонда каждый год выделяется около 115 млн. евро.

Несмотря на то, что немцев отличает активное участие в политике, доминирующим в современных условиях является процесс “департизации” общественной жизни. Граждане страны, особенно молодежь, ищут ответы на волнующие их вопросы вне партийно-политического поля, обращаются к Интернету, средствам массовой информации в поисках жизненных стратегий, адекватных быстро меняющемуся миру. В Германии, как нигде в мире, пресса и телевидение являются не только “четвертой властью”, но и реальным выразителем общественных настроений. А вот партии в представлении немцев все больше выглядят как “кормушка для политиков”. То же относится к протестантской и католической церквям, переживающим не лучшие времена. Выход из религиозных общин зачастую связан не только с нежеланием платить церковный налог государству, но и с идейными мотивами.

¹⁹ *Görtemaker M.* Die Berliner Republik. Wiedervereinigung und Neuorientierung. Berlin, 2009; *Ein neues Deutschland? Zur Physiognomie der Berliner Republik*, Stuttgart, 2006.

²⁰ *Нечаев Д.Н.* Государство и гражданское общество в ФРГ (практика партнерства). – Современная Европа. Журнал общественно-политических исследований, 2002, № 4.

²¹ *Погорельская С.В.* Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике ФРГ. М., 2007.

Любимой темой немцев, особенно образованных, является охрана окружающей среды. Инвестиции государства и бизнеса в эту сферу достигают 100 млрд. евро в год, однако многим и это представляется недостаточным. Экологическая сознательность граждан проявляется в повсеместном утеплении домов, езде на велосипеде, использовании солнечных батарей или “зеленого электричества”. Если нужно, немцы готовы перейти к более активным действиям, которые нередко заканчиваются столкновениями с полицией. Яркими примерами последнего десятилетия являются демонстрации против транспортировки ядерных отходов или строительства новых взлетно-посадочных полос в аэропорту Франкфурта-на-Майне.

Благополучное состояние окружающей среды является важным фактором, создающим позитивный образ страны. Времена, когда реки Рейн и Эльбу сравнивали со сточными канавами, давно ушли в прошлое. Занятие сельским хозяйством (животноводство в Альпах, виноделие в долинах Рейна и Мозеля) создает благостную картину “натуральной Германии” и способствует привлечению гостей из-за рубежа, но не играет сколько-нибудь заметной роли в хозяйственном обороте. Напротив, туризм является бурно растущей сферой бизнеса – неважно, идет ли речь о пиве, выпитом на празднике “Октоберфест” в Мюнхене, участии в сборе урожая винограда на Рейне или стажировках в крупнейших университетах страны.

Общественное самосознание немцев постепенно отходит от конституционного патриотизма времен двух германских государств и обращается к национальным ценностям. Речь идет не о возврате к временам борьбы за “место под солнцем” и доказательствах собственной “превосходства”, а о стремлении сделать свою страну образцово-показательной. Гордость за современные успехи Германии объединяет ее жителей не менее прочно, чем осознание вины за преступления национал-социализма. Доминирующая либеральная культура прохладно относится к инициативам правых политиков ввести общественную жизнь в жесткие рамки, регламентировать “доминирование” немецкого языка и национальных ценностей в быту и общении.

Если Боннская республика выросла и окрепла, покаявшись в преступлениях, совершенных во времена нацизма, то в арсенале у Берлинской республики оказался еще и негативный опыт ГДР. Его использование в целях демократического воспитания молодого поколения иногда граничит с демонизацией Восточной Германии (“ГДР – государство штази”, т.е. органов госбезопасности), однако в целом преобладают трезвые, взвешенные оценки. Они опираются на научные исследования, посвященные разным аспектам истории ГДР, а те в свою очередь – на полную открытость ее архивного наследия.

Тезис о “двух германских диктатурах” является удобным инструментом для формирования коллективного сознания подрастающего поколения, но его чрезмерная политизация вызывает понятное раздражение восточных немцев. Любые действия власти в этом направлении – будь то снос Дворца республики в центре Берлина, бывшего символом ГДР, или переименования улиц – обостряют психологический комплекс “проигравших”, на который накладываются традиции местного сепаратизма. На сегодняшний день только треть опрошенных немцев согласна с утверждением, что у жителей Востока и Запада страны (“осси” и “весси”) имеется общий национальный характер. У них разные представления о долге и дисциплине, особое отношение к регулирующей роли государства и индивидуальному успеху.

Если использовать расхожие стереотипы, то типичный западный взгляд на ГДР – “кругом были одни агенты штази”, восточный – “не все у нас было так плохо”. Ностальгия жителей бывшей ГДР по социалистическому прошлому окрашена в эмоциональные тона, для них это ниша, где они могут укрыться от проблем и невзгод сегодняшнего дня. Признавая режим ГДР диктаторским и зависимым от Москвы, они подчеркивают не плохое, а хорошее и безвозвратно потерянное в процессе объединения (“автомобили у нас были хуже, а люди – лучше”). Само объединение понимается ими зачастую как поглощение Восточной Германии, что отражает всю сложность ментального “воссоединения” немецкой нации.

И все же на сегодняшний день можно говорить о том, что большая часть этого пути успешно преодолена. Современные немцы сохраняют здоровый консерватизм, цепляясь за традиции (до сих пор на “автобанах” нет ограничения скорости), за сохранение регионального колорита. Новое поколение предпочитает более анархичный образ жизни, отдавая предпочтение не работе, а удовольствиям. “Шестидесятников”, поколение молодежного бунта сменили даже не тихие карьеристы, а прагматичные оптимисты, привыкшие радоваться жизни такой, какая она есть. В дни чемпионата мира по футболу в 2006 г. всю Германию затопило море национальных флагов, молодежь с искренним подъемом пела гимн страны.

Подъему патриотических настроений способствует и международное признание современного немецкого искусства. Всемирную известность имеет выставка авангардистов “Документа” в Касселе, Ист-сайдская галерея, созданная художниками из многих стран мира на нескольких километрах сохраненной берлинской стены. В 2009 г. была завершена уникальная реставрация “острова музеев” в Берлине, в 2010 г. Рурский бассейн, когда-то “угольное сердце Германии”, был провозглашен культурной столицей Европы.

ВЫБОРЫ СЕНТЯБРЯ 2009 г. И ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОЙ КОАЛИЦИИ²²

И социал-демократы, и их партнеры по правительству из ХДС-ХСС с нетерпением ждали очередных парламентских выборов, чтобы поставить точку в “противоестественной коалиции”, четыре года правления которой не были отмечены серьезными реформами. Согласно опросам общественного мнения, за сохранение “большой коалиции” выступало лишь 23% избирателей. И христианские демократы, и либералы задолго до выборов заявили о том, что единственно возможной перспективой считают возвращение к коалиции 1983–1998 гг., которая по цветам партий получила название “черно-желтой”. Такое заявление наложило отпечаток на всю предвыборную борьбу, лишив ее интриги и непредсказуемости. По общему признанию, она оказалась самой скучной за всю историю ФРГ. Меркель в полной мере использовала “канцлерский бонус”, в то время как ее оппонент Штайнмайер был связан узами лояльности младшего партнера. И первая, и второй проявили себя за предшествующие годы скорее как виртуозы администрирования, нежели как харизматические политики.

Основными темами предвыборной кампании были перспективы вывода немецких войск из Афганистана, постепенный отказ от эксплуатации атомных электростанций, введение нормы минимальной оплаты труда. С последним требованием выступали СДПГ и Левая партия, однако им не удалось отвоевать у христианских демократов голоса людей наемного труда. Предложение ХДС и либералов о снижении налогового бремени, конкретно – подоходного налога, поддержало три четверти избирателей. Оппоненты слева говорили о том, что буржуазные партии будут вести дело к демонтажу социального государства, но эта угроза уже мало кого пугала. В конце концов, решающие шаги в этом направлении были сделаны в рамках программы “Агенда 2010”, за которой стоял социал-демократический канцлер Шрёдер.

Главным итогом выборов в бундестаг 27 сентября 2009 г. стало даже не возвращение к власти после десятилетнего перерыва “черно-желтой коалиции”, а окончательное складывание пятипартийной системы. Либералы, “зеленые” и Левая партия стали неотъемлемой частью партийно-политического ландшафта ФРГ и коллективным победителем предвыборной гонки. Каждая из них преодолела в ходе выборов не только 5%-ный барьер, но и психологическую планку в 10%. Эпоха конкуренции двух “народных партий”, обращавшихся ко всем группам избирателей, безвозвратно ушла в прошлое. ХДС-ХСС получил 34% голосов, или на 3,8 млн. меньше, чем на выборах 2002 г. Политической катастрофой стал результат, полученный социал-демократами – 23%, наихудший в послевоенной истории партии. Председатель СДПГ Штайнмайер ушел в

²² *Иерусалимский В.П.* ФРГ: партийный ландшафт накануне выборов. – Современная Европа. Журнал общественно-политических исследований. 2009, № 2, 4.

отставку, однако у него не было достойной смены. Новому поколению социал-демократических вождей еще предстоит сформироваться на скамьях оппозиции.

Гораздо более серьезными и долговременными представляются причины поражения СДПГ, связанные с потерей традиционного электората. Сделав ставку на завоевание “средних слоев”, партия потеряла контакт с социальными низами, защитницей которых она выступала на протяжении своей полутораветковой истории. В оппозиции СДПГ совершит (и уже совершает) поворот влево, к защите наемных работников, однако на эту часть электората претендует и серьезный политический конкурент – Левая партия. Перспектива сотрудничества этих партий, выросших на традициях социалистического рабочего движения, представляется неизбежной. Однако именно межпартийные конфликты XX в., бывшие обвинения вплоть до “социал-фашизма” с одной стороны, и “коммунистического тоталитаризма” – с другой, тормозят поиск общей оппозиционной платформы.

В ходе предвыборной борьбы Меркель сделала ставку на то, что именно ее партия в наибольшей степени отражает настроения “середины” общественно-политического спектра, интересы не только преуспевающих слоев населения, но и всех тех, кто хочет работать и зарабатывать. В каком-то плане и программа христианских демократов, их деятельность в рамках “большой коалиции” выглядят даже более социальными, чем курс канцлера Шрёдера. Ставка Меркель на “умеренность и аккуратность”, отказ от резких политических заявлений и постепенность реформ, сыграла в ее пользу после начала мирового экономического кризиса.

Уже в ходе переговоров о формировании “черно-желтой коалиции” Меркель охладила пыл молодого и крайне амбициозного лидера СвДП Г. Вестервелле, получившего пост вице-канцлера и министра иностранных дел. От радикальных предложений последнего, выдержанных в духе экономического неолиберализма, мало что осталось. Канцлер неоднократно подчеркивала, что ее второе правление будет очень похоже на первое, когда она сотрудничала с социал-демократами. Журналисты тут же окрестили коалицию “черно-желто-красной”, что соответствует цветам германского национального флага.

Либералы выступают за продажу государственного участия в крупных предприятиях, например, в железных дорогах Германии. Их традиционным требованием остается “гибкий рынок труда”, что подразумевает сокращение соучастия трудящихся в управлении производством, ослабление их защиты от массовых увольнений в ходе рационализации. И Меркель, и Вестервелле обещали избирателям снизить налоги, хотя Меркель называла сумму в 15 млрд. евро, причем без четких временных рамок, а Вестервелле настаивал на снижении в 35 млрд. евро, причем как можно скорей.

В коалиционном договоре, подписанном 26 октября 2009 г. и озаглавленном “Рост. Образование. Сплочение”, была названа цифра в 24 млрд. евро, которую потеряет государственный бюджет в результате снижения налогов, в основном на предпринимательскую деятельность. В руках у ХДС-ХСС оказались 10 правительственных портфелей, у СвДП – 4. Шесть членов нынешнего кабинета министров ФРГ – женщины.

Пресса выражала слабые надежды на то, что протестантская сдержанность Меркель в сочетании с жизнерадостностью выходца из рейнских провинций Вестервелле приведут к новой гармонии в правительстве, которая понравится гражданам. “Женщина и гомосексуалист будут отныне править Германией. Оба знают, что такое быть изгоем”, – такое мнение выразил корреспондент “Шпигеля”, самого влиятельного политического журнала в ФРГ, в день опубликования коалиционного договора. “Черной меткой” для правительства стало то, что при голосовании в бундестаге ему отказали в доверии несколько депутатов из правящей коалиции.

Конкретные политические шаги, согласованные партнерами на ближайшее будущее, не содержат в себе ничего революционного. Речь идет о росте государственных расходов на исследования и образование до 10% ВВП, продлении срока эксплуатации атомных электростанций. Вполне реалистичным представляется и снижение с 1 января 2011 г. срока службы в бундесвере с 9 до 6 месяцев – это предложение уже получило широкое общественное одобрение. Вряд ли изменятся отношения Германии со своими партнерами, прежде всего с США.

Стратегическая линия правительства будет определяться не коалиционным договором, а реальной экономической конъюнктурой. Выступая с правительственным заявлением в бундестаге 10 ноября 2009 г., Меркель подчеркнула, что задачей номер один будет преодоление последствий кризиса, второй по важности – “изменение отношения граждан к государству”, третьей – поиск решений, связанных с неуклонным старением населения. Из-за многомиллиардных антикризисных программ уже принято решение о необходимости отодвинуть на неопределенный срок проведение налоговой реформы и реформы системы здравоохранения.

9 февраля 2010 г. Конституционный суд ФРГ вмешался в действия исполнительной власти, приняв решение о том, что действующий ныне размер пособия “Хартц IV” несовместим с принципами “социального государства” и нарушает основополагающее право граждан на обеспечение им достойных условий существования. К концу 2010 г. правительство обязано предложить новую программу в этой сфере. Очевидно, что поднять ставки социальных пособий в краткосрочной перспективе возможно только за счет увеличения государственного долга, а это в свою очередь приведет к всплеску инфляции.

Решение суда вызвало бурю эмоций в политической элите ФРГ. Дальше всех в его критике пошел вице-канцлер Вестервелле, заявивший, что подобное заступничество за тех, кто не желает работать, но хочет достойно жить, напоминает ему одновременно и социализм ГДР, и “декаданс позднего Рима. Образ мыслей подобного рода может привести Германию к краху”. В свою очередь, левая оппозиция обвинила Вестервелле в том, что он транслирует мнение предпринимательских кругов и лишен чувства социальной ответственности.

“Социальное государство”, сложившееся в ФРГ во второй половине XX в. и сумевшее интегрировать в себя население бывшей ГДР, уже не справляется с новыми вызовами XXI в. Последовательной работе по его реформированию препятствует мировой экономический кризис и растущая зависимость Германии от процессов глобализации. Однако на сегодняшний день у страны и ее правительства есть достаточный запас прочности для того, чтобы противостоять внутренним и внешним угрозам. Речь идет не только об экономическом потенциале. XX в. многому научил и самих немцев, и их соседей.

В ноябре 2009 г. на празднование годовщины падения берлинской стены в Германию прибыли руководители большинства стран Европы, в том числе и президент Российской Федерации. Память о берлинской стене, бывшей символом “холодной войны” и раскола мира на две системы, обращена не только в прошлое. Очевидны исторические успехи, достигнутые объединенной Германией. Залогом этих успехов является не самоизоляция и поиск “особого пути”, а открытость страны, демократия, широкое международное сотрудничество.

Юбилей, несмотря на их предсказуемость и повторяемость, дают политикам шанс высказать свою точку зрения на происходящие процессы, по-новому расставить акценты, подтолкнуть ход событий в желательном для себя направлении.

На протяжении второй половины XX в. особой датой в истории России и Германии было 9 мая – день освобождения Европы от нацизма. Накануне приезда в Москву на празднование 65-летия Победы канцлер Меркель подчеркнула: “Это далеко не само собой разумеющееся, что немецкий федеральный канцлер может принять участие в этом событии. Это показывает, что мы извлекли уроки из истории, что мы сегодня живем в мире и дружбе между собой. Тем не менее для меня это будет очень трогательное событие, ибо мы знаем, сколько страданий принесла России Вторая мировая война, сколько людей погибли, отдали свою жизнь”²³.

Понимание того, что трагедии прошедшего века способны не только разъединять, но и сплавлять наши народы, пришло не сразу. Однако ныне российско-германские отношения могут служить примером для подражания, а понятие “стратегическое партнерство” применительно к нашим странам с каждым годом наполняется все новым содержанием.

²³ Российская газета, 7.V.2010.